

Для настроений Галинковского в эти годы показательны то примечание, которым он снабдил отрывок своего старого романа «Глафира», посылая его для опубликования С. Глинке в «Русский вестник»: «Я старался по возможности избегать иностранных слов, введенных по большей части между людьми воспитанными, таких именно, без которых мы никогда не обходимся в наших разговорах. Сочиняя роман, я хотел думать по-русски; и если вкрадутся сюда неисправные речения, нерусские, то сие, верно, произойдет поневоле или по закоренелой привычке нашей к французскому языку. Это общее наше несчастье (как писателей, так и всех вообще), что мы вырастаем в руках у французов, учимся по их книгам, говорим одним языком, наполняем свои библиотеки одними французскими книгами и, наконец, чрез беспрестанное знакомство наше с французским языком так привыкаем к галлицизмам, так часто переводим их мысли, их обороты, что поневоле иногда делаем ошибки в русском».⁸⁷ Трудно сказать, эти ли убеждения или родственные связи с Державиным были причиной, но в 1811 году Галинковский оказался на должности «непрерывного секретаря» «Беседы».⁸⁸ Это, конечно, не дает нам оснований расценивать Галинковского как заурядного шишковиста. Мы видели, что по целому ряду теоретических положений Галинковский резко расходился с Шишковым, приближался к программе романтиков следующего десятилетия. Сквозь незрелость и противоречия его позиции видны контуры будущей литературной программы Шаховского, Катенина и Кюхельбекера.

Не будучи фигурой, отмеченной печатью крупного таланта или резкой самобытности, Галинковский тем не менее представляет интерес как писатель и критик, отразивший литературные воззрения переходного времени — эпохи, когда вопросы, волновавшие литературу XVIII века, отходили в прошлое и нарождались еще явственно неразличимые новые проблемы.

---

⁸⁷ «Русский вестник», 1808, № 6, стр. 354.

⁸⁸ См.: В. Десницкий. На литературные темы, кн. 2. ГИХЛ, Л., 1936, стр. 199—200. С последними днями жизни Галинковского связан следующий эпизод: получив от своего старого знакомого Юзефовича из Парижа французские стихи в честь Александра I, он перевел и издал их отдельной брошюрой. Перевод был осмеян Гречем, что вызвало заступничество Державина (см.: Г. Р. Державин, Сочинения, т. VI, 2-е академич. изд., СПб., стр. 339—340). Сам Греч считал этот эпизод причиной скоропостижной смерти Галинковского (там же, стр. 339 и 340).